

аккуратно разрезали ножницами всю одежду и сняли – ведь она была окровавленная; выкупали каждого, отнесли на носилках в палаты. В палатах стояли аккуратные немецкие двухэтажные койки (до нас здесь был немецкий госпиталь). Нас накормили, уложили на койки.

Так началось мое почти семимесячное пребывание в госпитале. Соседом по койке оказался остроумный шутник и рассказчик, украинец из Черкасской области, Иван Петрович Степаненко. Он был старше меня на одиннадцать лет, женат, имел сына. Мы очень подружились, несмотря на разницу в возрасте. Он часто рассказывал забавные истории, а поскольку большинство раненых призывалось из глубинки России, из Средней Азии, с Кавказа, то мне приходилось все его шутки переводить с украинского и потом уже все дружно смеялись. С ним даже в госпитале происходили смешные истории. Ранение у него было в левое бедро, он ходил с палкой. Когда его вызвали в рентгенкабинет и подготовили к просвечиванию, он не выдержал и сказал, что врач неправильно наводит аппарат, что там у него не болит. На что рентгенолог, пожилая еврейка в очках с толстыми стеклами, ему ответила: «Молчите, ваши мысли с нашими не сходятся». Конечно, на другой день выяснилось, что просвечивать надо было не «ребро», как она просветила, а бедро. И все стало на свое место. А мы в палате долго еще хохотали над «вашими мыслями с нашими не сходятся».

Однажды он объявил нам, что получил письмо из дома и хочет его прочесть. Оказалось, что сынок, ему было 5 лет, нашел где-то запал для гранаты и положил его незаметно на печь. Когда мать варила обед он, конечно, бабахнул, разбил кастрюлю, капуста и картошка разлетелись во все стороны. К счастью, обошлось без жертв.